

Религиозные образы в бразильской поэзии XIX–XX вв. как отражение трансформации социокультурной идентичности

© Кузнецова П.Д., 2025

Полина Дмитриевна Кузнецова, преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант по специальности «Культурология» МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76
ORCID: 0009-0006-6089-4677 E-mail: pdbalashova126@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка провести комплексное междисциплинарное исследование, в центре которого реконструкция процесса формирования и трансформации бразильской национальной идентичности через призму эволюции ключевых религиозных образов в поэтическом дискурсе на протяжении двух столетий. На основе обширного корпуса текстов бразильских поэтов от романтизма до постмодернизма, включающего как канонические фигуры (Гонсалвис Диас, Машаду де Ассис, Олаву Билак), так и ключевых представителей афробразильской традиции (Крус-и-Соуза, Абдиас ду Насименту, Эдимилсон ди Алмейда), были выделены три сквозных мотива, маркирующих основные этапы трансформации идентичности: мотив поиска Бога (во всех его проявлениях), мотив времени и вечности (в том числе через метафоры моря и реки) и мотив поиска смысла жизни (концепты счастья и радости).

Методологической основой для исследования стали историко-культурный анализ, позволяющий рассматривать поэзию как проекцию макросоциальных процессов, и герменевтический подход Поля Рикера, дающий инструментарий для интерпретации поэтических символов как кодов коллективного сознания.

Работа проходит историческую траекторию изменения религиозного ландшафта Бразилии от утверждения католицизма как основы национального строительства в поэзии романтиков XIX века к экзистенциальному поискам и реабилитации афробразильских религиозных традиций в модернизме и полифонии идентичностей в постмодернистской поэзии XX века. Исследование всех этих этапов позволяет сделать вывод, во-первых, о довольно глубокой рефлексии со стороны бразильских поэтов изменений в религиозной жизни страны, а во-вторых, о многогранности механизмов конструирования нации, подчеркивая ключевую роль религиозного воображаемого в этом процессе.

Ключевые слова: идентичность, Бразилия, поэзия, религия, бразильский романтизм

Для цитирования: Кузнецова П.Д. (2025) Религиозные образы в бразильской поэзии XIX–XX вв. как отражение трансформации социокультурной идентичности. *Иberoамериканские тетради*. № 4. С. 158–180. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-158-180

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTIGO DE INVESTIGAÇÃO

Cuadernos Iberoamericanos. 2025. 4. P. 158–180
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-158-180

UDC 81` 276.1

Recibido 25.02.2025.
Revisto 15.09.2025.
Aceito 02.11.2025

Imagens religiosas na poesia brasileira dos séculos XIX e XX no Brasil como reflexo da transformação da identidade sociocultural

© Kuznetsova P.D., 2025

Polina D. Kuznetsova, professora da Universidade Estatal de Moscou Lomonosov, estudante de pós-graduação em Estudos Culturais na MGIMO, Rússia.
119454, Moscou, Vernadskogo Avenida, 76
ORCID: 0009-0006-6089-4677 E-mail: pdbalashova126@gmail.com

Resumo. O artigo investiga como a identidade sociocultural do Brasil se transformou através da análise de imagens religiosas na poesia nacional dos séculos XIX e XX. A autora demonstra como a poesia brasileira reflete as mudanças na autoconsciência do país. Com base num corpus extenso de textos de poetas brasileiros do Romantismo ao Pós-Modernismo — incluindo tanto figuras canónicas (Gonçalves Dias, Machado de Assis, Olavo Bilac) quanto representantes fundamentais da tradição afro-brasileira (Cruz e Sousa, Abdiás do Nascimento, Edimilson de Almeida) — a autora identificou três marcas recorrentes da transformação identitária do Brasil: A busca por Deus (em todas as suas manifestações), O tempo e a eternidade (incluindo através de metáforas do mar e do rio), e a busca pelo sentido da vida (os conceitos de felicidade e alegria). O estudo explica como os temas cristãos no século XIX ajudaram a moldar a identidade nacional, enquanto o século XX voltou-se para questões existenciais e misticismo. É dada atenção especial aos poetas de ascendência africana, cujas obras fundem a espiritualidade tradicional com perspectivas modernas. A investigação combina a análise histórica com a hermenêutica de Paul Ricoeur, tratando a poesia como um espelho de mudanças sociais mais profundas. O estudo de todas estas etapas permite-nos concluir, em primeiro lugar, que os poetas brasileiros demonstraram uma reflexão bastante profunda sobre as mudanças na vida religiosa do país. E, em segundo lugar, revela a natureza multifacetada dos mecanismos de construção da nação, salientando o papel fundamental do imaginário religioso neste processo.

Palavras chave: identidade, Brasil, poesia, religião, romantismo brasileiro

Para citar: Kuznetsova P.D. (2025) Imagens religiosas na poesia brasileira dos séculos XIX e XX no Brasil como reflexo da transformação da identidade sociocultural, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 158–180. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-158-180

Declaração de divulgação: A autora declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2025. 4. P. 158–180
DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-158-180

UDC 81`276.1

Received 25.02.2025
Revised 15.09.2025
Accepted 02.11.2025

Religious Images in Brazilian Poetry of the 19th–20th Centuries as a Reflection of the Transformation of Sociocultural Identity

© Kuznetsova P.D., 2025

Polina D. Kuznetsova, professor at Lomonosov Moscow State University, postgraduate student in Cultural Studies at MGIMO, Russia.
119454, Moscow, Vernadskogo Prospect, 76
ORCID: 0009-0006-6089-4677 E-mail: pdbalashova126@gmail.com

Abstract. This article is an attempt at a comprehensive interdisciplinary study focused on reconstructing the formation and transformation of Brazilian national identity through the prism of the evolution of key religious images in poetic discourse over two centuries. Based on an extensive corpus of texts by Brazilian poets from Romanticism to Postmodernism — including both canonical figures (Gonçalves Dias, Machado de Assis, Olavo Bilac) and key representatives of the Afro-Brazilian tradition (Cruz e Sousa, Abdias do Nascimento, Edimilson de Almeida) — the author identified three recurring hallmarks of Brazil's identity transformation: *search for God* (in all His manifestations), *time and eternity* (including through metaphors of the sea and the river), and *search for the meaning of life* (the concepts of happiness and joy).

The research combines historical and cultural analysis, which helps to analyze poetry as a projection of deeper social shifts, with Paul Ricoeur's hermeneutics, which is instrumental in interpreting poetic symbols as codes of collective consciousness.

The work traces how Brazil's religious landscape changed over the history, from the establishment of Catholicism as the foundation of nation building in the poetry of the 19th-century Romantic poets to the existential quest and return of Afro-Brazilian religious traditions in modernism, and the polyphony of identities in 20th-century postmodernist poetry. The study of all these stages shows that Brazilian poets have reflected in depth on the changes in the country's religious life. Moreover, it reveals how multifaceted the mechanisms of nation-building are, and how essential the religious imaginary is to this process.

Key words: identity, Brazil, poetry, religion, Brazilian Romanticism

For citation: Kuznetsova P.D. (2025) Religious Images in Brazilian Poetry of the 19th–20th Centuries as a Reflection of the Transformation of Sociocultural Identity, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 158–180. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-158-180

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Религия, идентичность и поэзия

Осмысление вопросов самоопределения особенно актуально в современном меняющемся мире с его «размытым» осознанием самих себя как отдельными индивидами, так и народами и нациями. Общность мировоззрения, ценностных ориентиров и даже повседневных практик, наряду с общностью языка, истории и культуры, составляет основу социокультурной идентичности — феномена, являющегося предметом настоящего исследования.

При огромном разнообразии определений и подходов к пониманию идентичности настоящее исследование будет исходить из формулировки, предложенной Э. Эриксоном, определяющим идентичность как сложный, динамичный процесс формирования целостного и устойчивого самоощущения, интегрирующего в себе два элемента: личностное «Я» и коллективную идентичность значимых для него социальных групп: его класса, нации, культуры [Эриксон, 2006: 98]. При этом одна из проекций идентичности — и это тоже отмечает Эриксон — формируется в первую очередь на основе религиозного опыта. Религиозные институты, на протяжении веков предлагавшие ритуалы перехода и системы моральных координат, остаются для многих молодых людей «психосоциальным мораторием», который позволяет «путем свободного ролевого экспериментирования найти свою нишу в обществе, нишу, которая твердо определена и точно ему соответствует» [Эриксон, 2006: 166]. Религия играет ключевую роль в формировании идентичности, влияя на мировоззрение, ценности, принадлежность к группе и даже повседневные практики.

Среди государств, которые осмысливали себя через призму религиозного опыта, особняком стоит Бразилия. Относительно молодая нация с 200-летней историей государственности, более чем десятиковой историей уникальных культурных систем доколумбовых цивилизаций, Бразилия сформировала свою национальную идентичность в тесном переплетении в том числе религиозного опыта португальских колонистов, коренных народов, африканских мигрантов-рабов и европейцев, прибывших в Новый Свет в нестабильные 1910–1950-е гг. Как пишет антрополог Дарси Рибейру, «Подобно афробразильцам, бразильские индейцы пребывали в неком этническом ничейном пространстве. И именно эта фундаментальная утрата,

стремление преодолеть свою «ничейность» — статус не-индейцев, не-европейцев и не-негров — вынуждает их создать собственную этническую идентичность: бразильскую» [Ribeiro, 2006: 118].

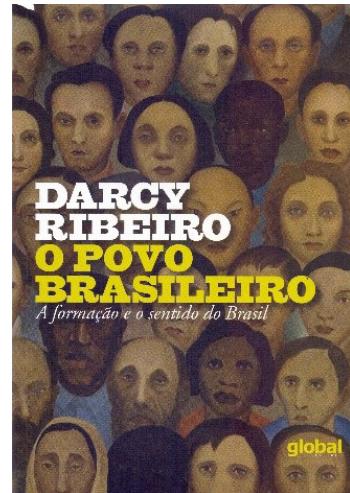
Представляя предмет и объект исследования, нужно понимать, ввиду данного выше определения идентичности, что для самого исследования нужен некий многомерный феномен, концентрированное выражение коллективного и индивидуального самосознания, которое можно было бы проанализировать и увидеть трансформацию социокультурной идентичности Бразилии на протяжении истории ее государственности.

В качестве этого феномена в настоящем исследовании выступает поэзия, которая в Бразилии была и инструментом государственной пропаганды (например, ода «тропической расе» у романтиков середины XIX в.), и манифестом борьбы за чистоту португальского языка от иберийского наследия (у модернистов 1920–1930-х гг.), и социальным документом (метафоры колониального разлома времен Бразильской империи 1822–1889 гг.).

К анализу идентичности в контексте Бразилии и Латинской Америки обращались такие отечественные авторы, как Я.Г. Шемякин, Б.Ф. Мартынов, Л.С. Окунева, Н.С. Константинова, В.А. Кузнецова, А.Г. Дугин, М.С. Хван, Д.Л. Гуревич и М.Ф. Надъярных. Однако специальных исследований, посвященных бразильской поэзии как источнику формирования социокультурной идентичности, в российской науке практически нет. Есть отдельные труды по изобразительному искусству и архитектуре, литературе и музыке Бразилии В.Л. Хайта, И.А. Тертерян, А.М. Нагорновой, а также труды по страноведению, истории, политике, религии и языку И.Р. Григулевича, А.В. Шестопала, Д.С. Горшенева, Г.В. Петровой и др.

Выбранные хронологические рамки (XIX–XX вв.) охватывают ключевые этапы развития бразильской поэзии и трансформации социокультурной идентичности: от романтизма (1836–1880 гг.), где происходит синтез религиозной символики с вопросами национального самоопределения, до модернистских и постмодернистских поисков XX века, отражающих радикальные изменения в религиозном ландшафте Бразилии.

Методом исследования станет историко-культурный анализ, в рамках которого поэтический текст рассматривается как проекция социокультурных процессов, сопровождающих историю страны, а не как объект,

Обложка книги
Дарси Рибейру «Бразильский народ: формирование и смысл Бразилии»¹

¹ Одна из ключевых книг бразильского антрополога Дарси Рибейру, цель которой, по словам автора, «помочь Бразилии найти себя». — Здесь и далее примеч. авт.

требующий сугубо литературоведческого анализа (где акцент делается на форме, стиле и авторском замысле). Такой подход позволяет выявить, как религиозные образы в бразильской поэзии XIX–XX вв. фиксируют сдвиги в общественном сознании и культурных парадигмах, отражая тем самым изменения в бразильской социокультурной идентичности.

В исследовании используется также герменевтическая модель интерпретации символов, представленная П. Рикёром и предполагающая, что слово в поэзии, да и дискурс в целом, обладают символической функцией [Рикёр, 2008]. По мнению Рикёра, символы не только выражают личный опыт, но и кодируют социокультурные смыслы, вскрывая тем самым процесс трансформации идентичности. А значит, анализ поэтических образов позволит реконструировать трансформацию идентичности через отражение изменений в восприятии сакрального и его места в обществе.

Наиболее наглядно, согласно Рикёру, символическую функцию демонстрирует метафора. По мнению Мирчи Элиаде [Элиаде, 1999: 408], трудами которого вдохновлялся Рикёр, символизм является отличительным признаком религиозного языка. Поэтому за отправную точку анализа идентичности через призму поэзии были взяты религиозные образы и символы (метафоры), заключенные в конкретных словах и выражениях поэтов, которые наиболее часто повторяются в выбранной для анализа лирике и являются маркерами трансформации идентичности.

При этом под «образом» имеется в виду определение М.Л. Гаспарова, то есть «всякий чувственно вообразимый предмет или лицо» (потенциально — каждое существительное, а под «мотивом» (тоже определение М.Л. Гаспарова) — «всякое действие» (потенциально — каждый глагол) [Гаспаров, 1997: 14]. Что же касается понятия «метафора», то в настоящем исследовании под этим термином понимается, по Ю.М. Лотману, оборот речи, основанный на «переносе признаков с предмета на предмет или с понятия на понятие» [Лотман, 1996: 815].

Предполагается, что все три исследуемых лексически выраженных элемента (образ, мотив и метафора) укоренены в традиции и трансформируются под влиянием исторического контекста, выступая индикаторами изменений в коллективном мировоззрении бразильцев — от католического доминирования к плюрализму и секулярности.

Отбор эмпирических данных

Настоящее исследование базируется на обширном материале бразильской поэзии XIX–XX вв. (1830–1990-е гг.), включающем творчество следующих авторов: Машаду де Ассис (Machado de Assis, 1839–1908), А. Гонсалвис Диас (Antônio Gonçalves Dias, 1823–1864), Д.Ж. Гонсалвис ди Магальянис (Domingos José Gonçalves de Magalhães, 1811–1882), Олаву Билак (Olavo Bilac, 1865–1918), Тобиас Баррету (Tobias Barreto, 1839–1889), Крус-и-Соза (Cruz e Sousa, 1861–1898), Раймундо Коррейя (Raimundo Correia, 1859–1911),

Мурилу Мендис (Murilo Mendes, 1901–1975), Жоржи ди Лима (Jorge de Lima, 1893–1953), Мануэл Бандейра (Manuel Bandeira, 1886–1968), Абдиас ду Насименту (Abdias do Nascimento, 1914–2011), Винисиус ди Морайс (Vinícius de Moraes, 1913–1980), Алуизиу Резенди (Aluísio Resende, 1900–1941), Эдимилсон ди Алмейда (Edimilson de Almeida Pereira, род. 1963) и Паулу Лемински (Paulo Leminski, 1944–1989).

Приоритет отдавался авторам, чьи произведения включены в обязательный школьный и вузовский курс литературы, стихотворениям, которые, по мнению самих бразильцев, формируют их самость. Также был использован критерий частотности использования религиозных образов и мотивов (в том числе метафор) в стихотворениях ключевых авторов поэтических течений, выполняющих, как сказал бы П. Рикёр, символическую функцию в раскрытии идентичности [Рикёр, 2008: 25].

Из общего массива поэзии заявленного периода было отобрано около 50 стихотворений, в которых было выделено несколько тематических направлений для анализа динамики мотивов с учётом частотности образов:

- религия и объекты поклонения — в этой группе собраны образы, с которыми поэты отождествляли само понимание религии как некоего сверхчувственного начала, передавая этот смысл как через различные религиозные атрибуты, так и через самоназвания религий как таковых — (Бог, Иисус, Христос, Богородица, Дева Мария, Мадонна, Господь, Отец, Сын, боги, духи Ориша, Любовь, вера, божественное, Евангелие, крест и христианство, кандомбле, Пасха, Рождество и др.);
- природа и духовность — здесь были отобраны образы природы как символы божественного присутствия (засуха, река, небо, волны, море, огонь, птица и др.);
- святость и грех — предполагали библейские образы, упоминание христианских святых, а также образы, связанные с духовнымиисканиями, взаимодействием и борьбой земного и небесного в душе человека (блудный сын и Содом, Мария Магдалина, душа, тело, кровь, молитва, чистота, удовольствие, ангел, дьявол, счастье, сердце, радость, жизнь, смерть, путь, святые и др.).

Представленные выше тематические группы по наиболее часто встречающимся лексемам (образам) стали основой для выделения трех основных мотивов, которые через осмысление бразильскими поэтами разных

Группа приверженцев религии кандомбле в традиционной одежде в церкви Бонифим в Сальвадоре, штат Баия, Бразилия

литературных течений (романтизм, парнасизм, символизм, модернизм, постмодернизм), отражали как динамику трансформации социокультурной идентичности Бразилии, так и собственно те основы, на которых эта идентичность строилась:

- 1) мотив поиска Бога и святости (образ Бога и все производные — Христос, Отец, Ошала, Ориша и др.) является выражением двух тем: религии как таковой и святости/греха;
- 2) мотив времени и вечности (образ моря/реки), выражающий тему природы и духовности;
- 3) мотив поиска смысла жизни (образ счастья/радости), выражающий тему духовных исканий.

В результате анализа выделены ключевой образ «Бог» (встречается более 60 раз) и два «сопутствующих» образа — «море/река» и «счастье/радость», через призму которых и будет сделан вывод о том, отражают ли религиозные образы в бразильской поэзии XIX–XX вв. трансформацию социокультурной идентичности и в какой мере.

Бразильское общество: культура и религия

История территории, которую сейчас принято называть Бразилией, как и формирование общности, которую принято называть «бразильцы», всегда были связаны с межкультурной коммуникацией, в процессе которой религиозный компонент имел важное значение. Об этом, исследуя феномен национальной идентичности, писали бразильские социологи и историографы Сержиу Буарки ди Оланда (Sérgio Buarque de Holanda, 1902–1982), Жилберту Фрейре (Gilberto Freire, 1900–1987), Оливейра Вианна (Oliveira Vianna, 1883–1951) и др.

Бразилец сегодня может быть не только христианином, но практически наверняка будет ассоциировать себя с каким-то культом. На данный момент в Бразилии около 70% верующих являются католиками (процент упал за последнее десятилетие), остальные — протестанты и спиритуалисты, согласно последней переписи 2022 г. бразильского института опросов IBGE³.

Сержиу Буарки ди Оланда²

² Сержиу Буарки ди Оланда (1902–1982) — бразильский социолог и историк, чье произведение «Корни Бразилии» (1936) стало широко известным благодаря авторской концепции «сердечного человека» как ядра бразильской идентичности.

³ Censo 2022. IBGE. URL: <https://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/trabalho/22827-censo-demografico-2022.html> (accessed: 20.01.2025).

Помимо католицизма, в Бразилии распространены различные деноминации христианства, спиритическая церковь, масонские капитулы, культы коренных народов, африканские верования и смешанные формы — кандомблé⁴, умбанда⁵, сантерия⁶, Ифа Ориша (йоруба)⁷, вуду (дагомейцы)⁸ [Дугин, 2024]. Менее популярны такие верования, как шанго⁹ (на севере), батуке¹⁰, тамбор-де-мина¹¹, но все они оказали огромное влияние на формирование культуры и идентичности страны. Почему же религиозность является неотъемлемой частью социокультурной идентичности бразильцев?

Открытие Нового Света европейцами в конце XV – начале XVI в. сопровождалось активной миссионерской деятельностью. С одной стороны, она определила вектор развития Латинской Америки в фарватере европейской христианской цивилизации. В качестве примера можно вспомнить, что на протяжении практически всей колониальной истории бразильского общества основным источником права для этой территории было португальское законодательство (кодексы Мануэла I /Manuel I de Portugal, 1495–1521/, Алфонсу V /Afonso V de Portugal, 1438–1477/ и Филиппа I/Filipe II de Espanha, 1580–1598/), где закон государства «был совмещен с Божественным законом, т.е. законом, диктуемым католической церковью» [Горшёнёв, 2017: 182].

С другой стороны, христианизация, зачастую насилиственная, вызывала определенное недовольство среди неевропейского населения Бразилии, что в итоге привело к так называемому «этническому ренессансу» в 90-е годы XX в., то есть к попытке положить конец расовому неравенству и дискриминации прав индейцев и афробразильцев, в том числе религиозных, на государственном уровне [Данилова, 2019: 338].

Фернанду Энрике Кардозу¹²

⁴ Кандомблé — афробразильская синкретическая религия, сочетающая элементы йоруба с католицизмом и спиритизмом, основанная на культе ориша.

⁵ Умбанда — бразильский синкретический культ, объединяющий африканские традиции (преимущественно банту), спиритизм Аллана Кардека и католические элементы.

⁶ Сантерия — религиозная система кубинского происхождения, сохраняющая пантеон йоруба под католическими именами.

⁷ Ифа Ориша — традиционная система гадания и культа ориша народа йоруба, сохранившаяся в диаспоре.

⁸ Вуду — религиозная практика дагомейского происхождения с культом лоа и сложной системой одержимости.

⁹ Шанго — куль бога-громовержца йоруба, особенно распространённый в северо-восточной Бразилии.

¹⁰ Батуке — ритуальная практика африканского происхождения, характерная для штата Пернамбуку.

¹¹ Тамбор-де-мина — афробразильский куль мараньонского региона с преобладанием дагомейских традиций.

¹² Фернанду Энрике Кардозу (род. в 1931 г.) — бразильский социолог и государственный деятель, президент Бразилии в 1995–2003 гг., впервые официально заявивший, что расовая дискриминация афробразильцев существовала в Бразилии всегда.

Религиозный ландшафт Бразилии, действительно, не ограничивается лишь христианством и верованиями доколумбовых цивилизаций. Не стоит забывать и об африканских языческих верованиях, проникавших на территорию Бразилии вместе с привезенными между 1501 и 1856 гг. более 4 млн рабов¹³. Африканские культуры на фоне продолжавшейся миссионерской деятельности в среде нехристиан тесно переплетались с католическими догматами и ритуалами, порождая тем самым религиозный синcretизм.

Вместе с верованиями коренных народов Бразилии африканские культуры до начала XX века были «невидимыми», а их последователи подвергались гонениям, поэтому эти религиозные практики передавались в устной традиции из поколения в поколение. Однако именно в этих «народных религиях», по мнению бразильских культурологов, сохранилось культурное наследие страны [Oliveira Evangelista, 2019]. Наибольший интерес к традиционным религиям пришелся на Эру Варгаса¹⁴ (Getúlio Vargas, 1930–1945, 1951–1954) и вторую половину XX в. [Julião, 2012: 2]. Экзистенциальный кризис, связанный с полигэтничностью бразильского общества как причиной всех экономических неудач и сопровождавший социально-политические потрясения в стране, вынуждал бразильцев искать себя в сфере духовного, переосмыслия Бога христианского и обращаясь к вере своих предков (индейцев и африканцев). И все эти поиски бразильцами себя через призму смены их религиозных убеждений находят отражение в бразильской поэзии и религиозных образах, ею воспроизводимых.

Образ Бога как отражение поиска идентичности Бразилии в XIX в.

Первые литературные произведения, которые можно отнести к поэтической традиции, на территории на тот момент бразильских капитанств датируются 2-й половиной XVI в. Эти произведения насыщены религиозными образами, что объясняется активностью иезуитских миссий на новых территориях и эхом культуры эпохи Возрождения, продвигавшимся из Старого Света в Новый [Bosi, 1994: 18–23].

Так, произведения иезуитского миссионера испанского происхождения Жозе ди Аншиеты (José de Anchieta, 1534–1597)¹⁵ «Святая Инеш» (A Santa Inês), «О святом причастии» (Do Santíssimo Sacramento), «В Боге, моем создателе» (Em Deus meu Criador) представляют собою своего рода религиозные гимны, в которых через традиционные христианские образы Бога-Творца, святых и их добродетелей передаются мотивы надежды и радости.

¹³ Trans-Atlantic Slave Trade Database. Slave Voyages. URL: <https://www.slavevoyages.org/> (accessed: 15.10.2024).

¹⁴ Эра Варгаса (порт. Era Vargas, 1930–1945) — период авторитарного правления Жетулиу Варгаса, характеризующийся централизацией власти («Новое государство», 1937) и культом национального единства.

¹⁵ За вклад в христианизацию индейцев сегодня Аншиету называют «апостолом Бразилии», а в 2014 г. он был причислен к лику святых.

На протяжении XVII–XVIII вв. население важнейшей колонии Португалии много-кратно выросло (в том числе из-за открытия месторождений золота в Минас-Жерайсе в 1690-х гг. и начавшейся вслед за этим золотой лихорадкой), что потребовало от метрополии ужесточения контроля за территориями, в том числе религиозного. В 1807 году, когда армия Наполеона начала войну против Португалии, было принято решение перевезти короля и его двор в Рио-де-Жанейро. Соединённое королевство Португалии, Бразилии и Алгарве, оформленное в результате этого переезда, видело своей целью укрепление единства государства, поэтому неудивительно, что

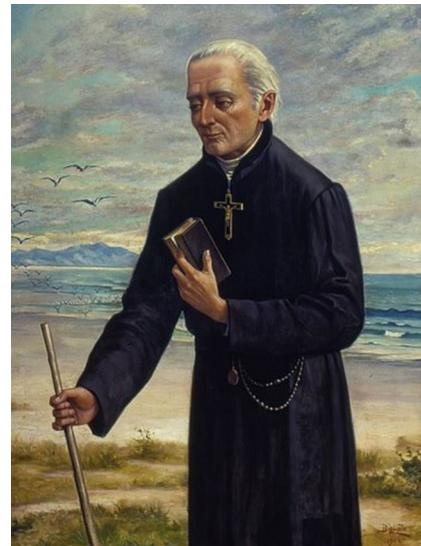
бразильские поэты-романтики (которых принято считать основоположниками собственно бразильской поэзии) продолжили работать с христианскими образами, видя в этом «скрепу» нового бразильского государства.

Так, Гонсалвис ди Магальянс (Gonçalves de Magalhaes, 1811–1882) в стихотворении «Христианство: в Миланском Соборе» (Na Cathedral de Milão), вошедшем в первый сборник романтизма (1836 г.), утверждает, что если Новый Свет — Америка хочет двигаться по пути прогресса и порядка, то фундаментом, на котором можно построить великую цивилизацию, может стать именно христианство, привнесенное из Европы:

Обложка первого сборника романтизма «Поэтические вздохи и тоска» Гонсалвиса ди Магальянса. 1836

*Religião de amor, de paz, de vida!
Tu, que civilizaste a Europa toda,
E primeira na América lançaste
O gérmen da grandeza a que ela aspira...*

*Религия любви, мира, жизни!
Ты, которая цивилизовала всю Европу,
И первая в Америке ты бросила
Зародыши величия, к которому она
стремится...¹⁷*

Бенедиту Калишту де Жезус.
Портрет Жозе ди Аншиеты. 1902¹⁶

¹⁶ Жозе ди Аншиета (1534–1597) — иезуитский миссионер, получивший прозвище «Апостол Бразилии» за христианизацию коренного населения.

¹⁷ Magalhães G. Suspiros Poéticos e Saudades: 3 ed. Rio de Janeiro. Livraria de B.L. Garnier. 1865. P. 55–62.

В стихотворении появляется слово «gérmen», которое переводится как «зародыш», «росток»; через этот образ автор передает общественные настроения того времени: Бразилия оформляется как отдельная нация, а христианский Бог — это искусный садовник, который через любовь к себе возвращает новую страну.

Вообще, это произведение Магальянса похоже на религиозный гимн, акафист, оно представляет собой хвалебно-благодарственное пение христианскому Богу, который видится «маяком для человечества» — «fanal da Humanidade», который открывается бразильцам не через страх, а через «изумление, любовь, совесть».

*Os joelhos dobrou do homem primeiro,
E as mãos aos céus ergueu-lhe! Não, o medo
Não foi o criador da Divindade!
Foi o espanto, o amor, a consciência,
E a sublime efusão d'alma, e sentidos!
Viu o homem seu Deus por toda parte,
E sua alma exaltou-se de alegria. <...>
Deus o gênio acendeu entre mil almas,
Para ser o fanal da Humanidade.*

*И преклонил колени первый человек,
И воздвигнул руки к небу! Но не страх
Был для него источником Божественности!
Это были изумление, любовь, совесть,
И возвышенное излияние души и чувств!
Человек повсюду видел своего Бога,
И душа его возвысилась от радости. <...>
Бог зажег гений в тысяче души,
Чтобы стать маяком для человечества¹⁸.*

В стихотворении «Вера» (Fé) Машаду ди Ассиса (Machado de Assis, 1839–1908), написанном в 1864 г., Бог выступает в образе «главного компаса», ведущего бразильца к настоящему счастью:

*A derradeira bussola nos seja,
Senhor, tua palavra. <...>
Feliz o que nos labios,
No coração, na mente põe teu nome...¹⁹*

*Главным компасом нам будет,
Господи, Твое слово. <...>
Счастлив тот, кто на устах,
В сердце и в разуме несет имя Твое...*

Творчество бразильских поэтов-романтиков отражает процесс формирования Бразилии как государства глубоко религиозного. По мнению Родригу Франклина ди Соузы, завезенное португальцами христианство всегда было тесно связано с бразильской культурой и идентичностью и было «плюралистично и разнообразно, широко, синкретично, гетерогенно и пластично» [Sousa, 2013: 286].

Но если в первые годы после обретения независимости (1830-е) поэты воспевали христианство и как национальную скрепу, и как панацею от всех социальных проблем, то уже к середине XIX в. в творчестве таких авторов, как Тобиас Баррету, раскрывается конфликт между злом, существующим в мире, и благостью Бога, допускающего это зло. Так, в стихотворении «Рабство» (A Escravidão, 1868 г.) Баррету по-своему решает вопрос

¹⁸ Здесь и далее стихотворения приводятся в дословном переводе автора исследования.

¹⁹ Assis M. Obra Completa, vol. II. Nova Aguilar. Rio de Janeiro. 1994. URL: <https://machadodeassis.ufsc.br/obras/poesias/POESIA,%20Crisalidas,%201864.htm> (accessed: 20.04.2024).

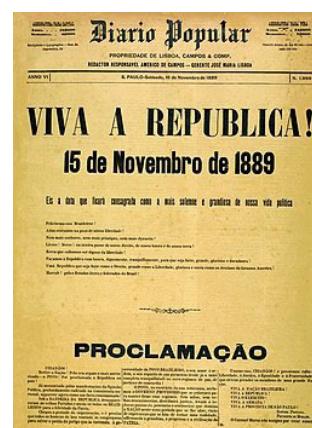
теодицей²⁰, предлагая не надеяться на Бога, если тот до сих пор не уничтожил рабство, а стать патриотом, тем самым отказавшись от угнетения своих соотечественников.

*Se Deus é quem deixa o mundo
Sob o peso que o opõe,
Se ele consente esse crime,
Que se chama a escravidão,
Para fazer homens livres,
Para arrancá-los do abismo,
Existe um patriotismo
Maior que a religião.*

*Если Бог Тот, кто оставил мир
Под тяжестью, которая подавляет Его,
Если Он согласится на это преступление,
Которое называется рабством,
Чтобы сделать людей свободными,
Чтобы вырвать их из бездны,
Существует патриотизм —
Больше, чем религия²¹.*

Бразильский романтизм в поэзии, таким образом, с одной стороны, отражал клерикализм нового государства. Как отмечает Д.С. Горшенёв, с обретением независимости Бразилии 7 сентября 1822 г. отношения между церковью и государством, выстроенные в течение трех столетий колониальной Бразилии, остались практически неизменными. Более того, бразильская Конституция 1824 г. предоставила католической церкви титул официальной религии империи, а ряд положений Конституции 1824 г. прямо говорит о том, что императорская власть продолжала прибегать к авторитету католической церкви как форме собственной легитимации и социальной сплоченности нового государственного образования [Горшенёв, 2017: 182], то есть религиозность стала одним из краеугольных камней бразильской социокультурной идентичности.

С другой стороны, вера в христианского Бога повлекла за собою и стремление к воплощению всех христианских ценностей, включая социальную справедливость, что постепенно, через переосмысление религии и образа Бога привело общество (и это отразилось в поэзии) к республиканским идеям. Для поздних поэтов-романтиков (1850–1880-е гг.) любовь к стране, переживание за ее судьбу и решение социальных вопросов постепенно начинает выходить на передний план. Их творчество во многом и привело общество к провозглашению Республики в 1889 г.

Прокламация
о провозглашении
республики в газете
Diário Popular

²⁰ Теодицей (от греч. Θεός (Theos) — Бог, и δίκη (dike) — правосудие, справедливость) — обозначение религиозно-философских доктрин, направленных на логическое согласование идей о благости и всемогуществе Бога с наличием в мире зла.

²¹ Tobias Barreto. A Escravidão. URL: <https://literatura-brasileira.com/2014/07/18/a-escravidao-tobias-barreto/> (accessed: 24.04.2024).

Образ Бога продолжает быть одним из ведущих в поэзии бразильских символистов²² и парнасцев²³ (1880-е – 1910-е гг.). Здесь уже на волне европейской и общемировой секуляризации поэты пытаются показать, что религиозная картина мира постепенно рушится, и Бог — это лишь один из возможных ответов на вопрос о смысле жизни. Например, стихотворение «Бронзовый Христос» (Cristo de Bronze) поэта-символиста Ж. Круса-и-Созы представляет собой болезненный крик, заканчивающийся нервным смехом, который вызывает в памяти возвышенный идеал христианства.

*Ó Cristos de ouro, de marfim, de prata,
Cristos ideais, serenos, luminosos,
Ensanguentados Cristos dolorosos
Cuja cabeça a Dor e a Luz retrata. <...>
Na rija cruz asperrima pregado
Canta o Cristo de bronze do Pecado,
Ri o Cristo de bronze das luxúrias!..²⁴*

Поэт показывает, что образ Иисуса Христа стал обычным; теперь это не больше, чем изваяние, где важен материал, из которого оно сделано, а не символ, в нем заключенный. А между тем, лишь страсти и грех — это то, что взвывает к памяти о Боге, когда все знают, как поступать не следует, но никто не хочет помнить, как, следуя заповедям Христа, стоит поступать.

Поэт-парнасец Олаву Билак в стихотворении «Рассвет любви» (A alvorada do amor) также затронул религиозную тему, обратившись к ветхозаветному сюжету изгнания из Рая Адама и Евы.

*Vamos! que importa Deus?
Desata, como um véu,
Sobre a tua nudez a cabeleira! Vamos!
Arda em chamas o chão;
Rasguem-te a pele os ramos;
Morda-te o corpo o sol;
Injuriem-te os ninhos <...>
Amo-te! sou feliz!
Porque, do Éden perdido,
Levo tudo, levando o teu corpo querido!²⁶*

*О, Иисусы из металлов благородных,
Иисусы образов непорочных,
Окровавленные Иисусы скорбные,
Чью голову Боль и Свет венчают. <...>
На жестком кресте, грубо пригвожденный,
Поет Иисус бронзовый Греха,
Смеется Иисус бронзовый страстей!..*

Эдуард Диас.
Портрет
Крус-и-Созы²⁵

*Вперед! Что нам Бог?
Распусти, словно вуаль,
На наготу свою пряди волос! Вперед!
Пусть в пламени горит земля;
Пусть ветви рвут кожу;
Пусть солнце тело жжет;
Пусть гнезда оскорбляют... <...>
Люблю тебя! Я счастлив!
Ведь из утраченного Эдема
Забираю всё, унося твое любимое тело!*

²² Символизм в Бразилии официально просуществовал с 1893 по 1902 год. Его основными авторами были Крус-и-Соуза и Алфонсус ди Гимараенс (Alphonsus de Guimaraens, 1870–1921).

²³ Парнасизм — поэтическая школа, просуществовавшая в Бразилии с 1880-х годов до укрепления модернизма. Парнасизм отстаивал «искусство ради искусства», объективность и совершенство формы стиха.

²⁴ Sousa C. Cristo de bronze. URL: <https://leiturasdogiba.blogspot.com/2008/05/o-cristo-de-bronze-uma-leitura-do.html> (accessed: 17.04.24).

²⁵ Жоан да Крус-и-Соза (1861–1898) — первый поэт-символист в бразильской литературе. Был одним из первых чернокожих поэтов, потомком афробразильских рабов, чье творчество вошло в литературный канон Бразилии.

²⁶ Bilac O. Poesias. H. Garnier. 1902. P. 172.

Первородный грех уже случился (Адам видит и понимает, что Ева нагая), но в видении поэта изгнание из Рая для Адама не наказание, а благо, которое помогло первым людям узнать, что такая настоящая любовь. Здесь уже Бог становится антагонистом человека, плоть побеждает дух, бразилец не сожалеет об утраченном Рае и не готов ждать возвращения туда в конце времен, он хочет жить здесь и сейчас. Этот максимализм — отчасти продолжение решения вопроса теодицей поэтами-романтиками: либо абсолютные справедливость/святость/вера, либо Бог забыл эту землю и нужно самим стать ответственными за свою жизнь.

Другой представитель школы парнасизма Раймундо Коррейя в своем программном стихотворении «Фетишизм» (Fetichismo)²⁷ пишет о тщетных поисках человеком Бога. Всё, что осталось от Всевышнего, — это «тьма» и «пустота»:

*A essa abóbada escura, em vão elevas
Os braços para o Deus sonhado, e lutas
Por abarcá-lo; é tudo em torno trevas...
Somente o vácuo estreitas em teus braços...*

В темном своде напрасно ты
Воздеваешь руки к Богу, которым грезишь,
Обнять Его пытаешься в борьбе...
Но тьма вокруг — и пустота в тебе.

Похожим настроением проникнуто стихотворение русской поэтессы З. Гиппиус (1869–1945) «Бессилие», написанное примерно в то же время (1890-е гг.), где лирическая героиня так же тщетно возносит руки к Богу, а в ответ — пустота²⁸.

Поэзия бразильского парнасизма отличалась объективностью, умеренностью и приземленностью. Вместе

Фернан Леже. Адам и Ева. 1935–1939

«Великая триада» бразильского парнасизма —
Алберту ди Оливейра, Раймундо Коррейя
и Олаву Билак

²⁷ Correia R. Poesias completas. Org. pref. e notas Múcio Leão. São Paulo. Ed. Nacional. 1948. P. 22.

²⁸ Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. Москва. Художественная литература. 1991. С. 32.

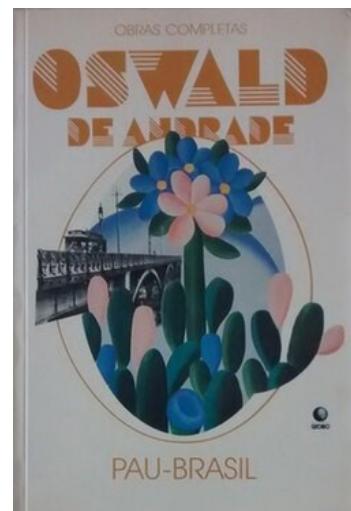
со стремлением к совершенству языковой формы и реакцией против словесной неточности и эмоциональности предшествующих им поэтов-романтиков представители этого направления внесли своим творчеством в социокультурную идентичность бразильцев несколько элементов, которые впоследствии станут основой для образа бразильца.

Так, ключевую роль в формировании «бразильской» («brasilidade») сыграли поиск и формирование «своего» языка, заключающиеся в нарочитом подчеркивании региональных различий, намеренном использовании грамматических и лексических форм, не закрепленных нормой, считающихся ошибкой в европейском португальском, но широко распространенных в Бразилии. И хотя данный вопрос не является предметом настоящего исследования, стоит отметить, что такого рода поиски были важны для понимания самости бразильца.

Важным также представляется замечание бразильского исследователя Ж. Аддада о том, что со времен барокко на идентичность бразильцев оказали влияние языческий гедонизм и аскетический католицизм [Haddad, 1966: 5]. Если до середины XIX в. усилиями различных миссионерских и государственных институтов бразилец виделся как правоверный католик вне зависимости от расы и статуса, то после отмены рабства (1888 г.), провозглашения республики (1889 г.) и принятия первой республиканской Конституции (1891 г.) бразилец — это чаще всего тот, кто ассоциирует себя с доколумбовой Америкой, где нет христианской морали, но есть некое экзистенциальное божество, несущее идею абсолютной справедливости, что нашло отражение в поэзии XX в.

Образ Бога в бразильской поэзии XX в.

Первая половина XX в. в Бразилии ознаменовалась творчеством поэтов-модернистов²⁹. Поэзия XX в. становится поиском пути к Богу, попыткой найти Его трансцендентность, связать индивидуума с неким вечным началом. Для модернизма характерно эстетическое освобождение и обращение к темам повседневности. Поиск Бога накладывается на реальность быстро меняющегося современного мира со множеством социальных и этнических проблем.

Освалд ди Андради.
Манифест «Пау-Бразил». 1924³⁰

²⁹ Бразильский модернизм (порт. Modernismo brasileiro) — ключевое авангардное движение в бразильской поэзии XX века, оформившееся в 1920–1930-е гг. Характеризуется разрывом с академической традицией и поиском национальной культурной идентичности.

³⁰ Освалд ди Андради (1890–1954) — бразильский поэт, положивший начало модернистскому движению через призыв к созданию самобытного бразильского поэтического языка.

Так, сборник Мурилу Мендиса и Жоржи ди Лимы «Время и вечность» (1934 г.)³¹ удивительным образом совмещает в себе традиционное и новое, религиозное и мистическое. Например, Ж. Лима в стихотворении «Северо-восток» берет языческий образ Солнца и делает его символом Христа/божественного, которое каждый день встает — «воскресает». Искусно объединяя паганистические взгляды местного населения на разлив реки или засуху с традиционными христианскими образами, поэт пытается показать многомерность этого мира, наполненность его контрастами:

*Nordeste, terra de São Sol!
Irmã enchente, vamos dar graças a Nossa
Senhor,
que a minha madrasta Seca
torrou seus anjinhos para os comer.
São Tomé passou por aqui?
Passou, sim senhor!*³²

*Северо-восток, край Святого Солнца!
Сестра-разлив, возблагодарим Господа —
моя мачеха Засуха
подрумянила ангелочеков, чтоб съесть их.
— Апостол Фома здесь проходил?
— О да, проходил!*

В стихотворении «Прощай, поэзия»³³ Жоржи ди Лима называет XX век «гнилым»/«больным» (pôdre/doente), показывая бинарность физического и морального разложения общества. Такие настроения у представителя творческой элиты были не случайны: движение тенентистов³⁴, Великая депрессия и последовавшее за нею обрушение цен на кофе, начавшаяся с государственного переворота Эра Ж. Варгаса ввели Бразилию в период социальной нестабильности, и поэт, слыша «крики земли, страдающих людей» («Os gritos da terra, dos homens sofrendo»), не может себе позволить продолжить писать стихи в тяжелый для страны час.

*Senhor Jesus, o seculo está pôdre.
Onde é que vou buscar poesia?
Devo despir-me de todos os mantos,
os belos mantos que o mundo me deu.
<...>
Eu quero despir-me da voz e dos olhos,
dos outros sentidos, das outras prisões,
não posso Senhor: o tempo está doente.
Os gritos da terra, dos homens sofrendo me
prendem, me ruxam — me daí Vossa mão*

*Господи Иисусе, век мой прогнил.
Где мне теперь поэзию искать?
Должен ли я сбросить все покровы,
Все прекрасные покровы,
что мир мне даровал.
<...>
Я хочу сбросить голос и очи,
Иные чувства, иные тюрьмы,
Но не могу, Господи: время болиño.
Крики земли, страдающих людей
Меня держат, влекут — подай же мне
Свою руку.*

³¹ Lima J., Mendes M. *Tempo e eternidade. Poemas*. Porto Alegre. Edição da Livraria do Globo. 1935. 122 р.

³² Lima J. *Poesias completas*. Rio de Janeiro. Editora Getúlio Costa. 1949. Р. 187.

³³ Lima J., Mendes M. Op. cit. Р. 64.

³⁴ Тенентисты (порт. tenentistas) — участники революционного движения младших офицеров (лейтенантов) в Бразилии 1920-х гг., выступавшие за демократические реформы.

Но всё же лирический герой живет, не желая отвернуться от Бога, несмотря на все трудности, просит, чтобы Господь протянул ему руку и не оставил его в этом больном времени.

В стихотворении «Моя страна» («Meu País»)³⁵ тот же Ж. Лима размышляет о том, что Бразилия — это отражение Рая, которое было даровано бразильскому народу самим Богом. Но вот счастлив ли лирический герой в этом Богом дарованном месте, — он пока не знает.

*O país mais novo deste mundo
eras tu, meu País!
Entretanto, Deus amado,
meus pés correram descalços,
pelo meu País.
E enfim
eu nao sei se sou feliz
ou se sou infeliz.
Sei que estou olhando pra cima,
para o vosso País!*³⁶

*Самой молодой страной на свете
была ты, моя Страна!
Но, милосердный Боже,
босыми ногами я исходил
всю свою Страну.
И теперь
я не знаю, счастлив ли
или несчастен.
Знаю лишь, что смотрю вверх,
на Твою Страну.*

И в стихотворении, приведенном выше, и в других произведениях виден мотив поиска смысла жизни в том числе через призму религиозного мировоззрения. Бразилец пребывает в отчаянии ввиду навалившихся на страну проблем, но стремится к внутреннему ощущению счастья и радости. Если образ счастья в поэзии романтизма скорее указывал на связь с Богом и радость веры, то в XX в. счастье становится утопией, бразилец не мыслит себя в отрыве от проблем своей страны и своего народа, не может понять свои чувства до конца.

В поэзии XX в. всё чаще духовный поиск происходит посредством обращения к природе. Так, море как символ [Гонсалес Труэба, 2025: 100–103], важнейший для понимания идентичности бразильца, служит своеобразным пространственным измерением, где время переходит в вечность, где расширяется хронотоп (по М. Бахтину) и человек предстает перед Богом таким, какой он есть.

Но если в XIX в. творчество поэтов отражало стремление человека прикоснуться к божественным вечной красоте и святости, то в XX в. авторы всё больше обращаются к идее об окончательной потере образа и подобия Божьего.

Именно этому посвящено стихотворение Мануэла Бандейры «Баллада о святой Марии Египетской». «Святость наготы», которую святая отдает лодочнику, чтобы он переправил ее на другой берег, — символ духовного падения:

³⁵ Lima J. Poemas escolhidos. Rio de Janeiro. José Olympio. 1952. P. 34–35.

³⁶ Lima J. de. Obra poética. Rio de Janeiro. Editora Getúlio Costa. 1949. P. 182.

*Santa Maria Egípcia chegou
A beira de um grande rio.
Era tão longe a outra margem!
E estava junto à ribanceira, Num barco,
Um homem de olhar duro.
Santa Maria Egípcia rogou:
— Leva-me ao outro lado.
Não tenho dinheiro.
O Senhor te abençoe. <...>
O homem duro escarnece:
— Não tem dinheiro, Mulher, mas tens teu
corpo.
Dá-me o teu corpo, e vou levar-te.
E fez um gesto. E a santa sorriu,
Na graça divina, ao gesto que ele fez³⁷.*

*Святая Мария Египетская подошла
к берегу великой реки.
Другой берег был так далёк!
А у обрыва, в лодке,
стоял человек с жестоким взором.
Святая Мария взмолилась:
— Перевези меня на тот берег.
У меня нет денег.
Да благословит тебя Господь. <...>
Жестокий человек усмехнулся:
— Денег у тебя нет, Женищина, но есть
тело.
Отдай мне тело — и я перевезу.
И сделал жест. И святая улыбнулась
в божественной благодати тому жесту,
что он совершил.*

Образ реки в стихотворении также несет в себе глубокий смысл: это символ борьбы души и смерти. Река Иордан обретает черты мифологической реки Стикс — полной мрака и ужаса дороги грехопадения, ведущей в ад.

Похожий мотив звучит и в раннем стихотворении Винисиуса ди Морайса «Господи, я не достоин» (1933)³⁸. Лирический герой испытывает печаль оттого, что не может достичь бесконечности, пока читает псалом, его душа никогда больше не будет такой чистой, как душа ребенка, и он сходит с ума от отчаяния. Только вера и единение с природой дают душе бразильца утешение, очищение и счастье.

Если в XIX в. сама вера в Бога давала бразильцу ощущение счастья, то для бразильца в XX в. счастье — это обретение своего пути, единение с Богом/природой и отсутствие греха (очищение своей души).

Религиозные мотивы в бразильской поэзии постмодерна

Для поэзии бразильского постмодерна, расцвет которого приходится на 1960–1980-е гг., характерной особенностью является то, что религиозные фигуры лишаются сакральности и поэтические образы становятся

*Хосе де Рибера.
Мария Египетская. 1651*

³⁷ Bandeira M. Balada de Santa Maria Egípcia. A seção cultural do Portal Vermelho. URL: <https://vermelho.org.br/prosa-poesia-arte/manuel-bandeira-balada-de-santa-maria-egipciaca/> (accessed: 20.04.2024).

³⁸ Moraes V. Senhor, eu não sou digno. Vinicius. URL: <https://www.viniciusdemoraes.com.br/br/poesia/texto/35/senhor-eu-nao-sou-digno> (accessed: 20.04.2025).

воплощением религиозного синкретизма (смешения христианства, афро-бразильских культов и массовой культуры). Поэзия отличается некоторой фрагментарностью и ироничностью, использованием различных экспериментов с языком.

Природа вновь обожествляется, но уже не как освященное Господом творение, а персонифицированно — анимистические традиции африканских и индейских верований переносятся на окружающий мир.

Например, образ моря встречается в стихотворении «Йеманжа» Алуизиу Резенди. Название отсылает к богине-покровительнице женщин, воплощением которой было море. Культ этой богини очень важен для религии умбанда и кандомбле. Автор предлагает читателю погрузиться в ритуальный танец, который призван помочь избавиться от скорбей цивилизованного мира поклонением Йеманже:

*Vai dançar Iemanjá,
protetora bonita
Deste rico rincão de terra brasileira.
<...>
A um só tempo és estrela
e ao mesmo tempo és flor
Que transmuda em prazer
as grandes fundas mágoas.*

Этот период ознаменован поиском новых идентичностей, например, Паулу Лемински в своей поэзии смешивал буддизм и пародию на классическую поэзию с экзистенциальными темами об эфемерности жизни и внутренней пустоте. Например, в стихотворении «Настройка на спешку и предчувствие» («Sintonia para pressa e presságio») Лемински пишет о Боге как о свете, «который зажегся в доме и больше не помещается в комнате» («a luz se acendeu na casa e não cabe mais na sala»)³⁹.

*Танцуйте танец Йеманжи,
прекрасной защитницы
Этого богатого уголка бразильской земли.
<...>
Ты одновременно и звезда,
и в то же время цветок,
Что превращает в удовольствие
великие глубокие скорби.*

Жоржи ди Лима. Йеманжа. 1941

³⁹ Leminski P. Toda poesia. São Paulo. Companhia das Letras. 2013. 424 p.

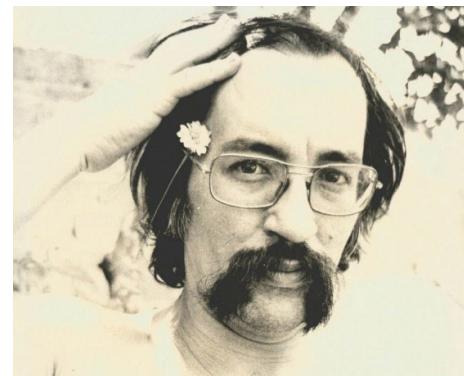
Здесь стоит отметить, что африканские верования «вышли из тени католицизма» только в 1964 г., когда свобода совести была закреплена Федеральной Конституцией и бразильцу больше не нужно было быть именно католиком, чтобы считаться бразильцем.

Практически во всех африканских верованиях, практикующихся сейчас в Бразилии, образ Бога предстает чем-то магическим, при этом сохраняются традиционные обычай и постулаты древнейших африканских религий, несмотря на заимствования некоторых обрядов из христианской и индейской культуры.

Так, в стихотворении «Аггада трансформации» («O agadá da transformação») Абдиаса ду Насименту каномбле воспевается как духовная основа африканского этноса в Бразилии, а образ воды становится символом очищения культуры чернокожих через африканские танцы, музыку и религию. Аггада⁴⁰ является символом постоянного изменения в поисках свободы и достойной жизни. Чтобы изобразить битву за права чернокожих, поэт использует такие метафоры, как «менуэт торговли людьми» («meninote do tráfico») и «фаду расизма» («fado do racismo»)⁴¹.

В стихотворении «Месса Конго» («Missa conga») современного поэта Эдимилсона ди Алмейды Перейры поэт задается вопросом: «Кто есть настоящий Бог?» Тот, кто допустил страдания коренного и чернокожего населения в Бразилии? Или тот, кто скрыт «в глубинах времени», оставил лишь следы памяти — «алтарь древних, что скрылся в тенях» («altar dos antigos se ocultou nas sombras»)?

*Para que deuses se reza
quando o corpo aprendeu
toda a linguagem do mundo?
Que orações se entoa
quando a alma se entregou
a todas as dores do mundo?
Onde se deitam os olhos
quando o altar dos antigos
se ocultou nas sombras?*⁴²

Паулу Лемински

К каким богам взывать,
Когда тело познало
Язык всего мира?
Какие возносить молитвы,
Когда душа отдалась
Всем скорбям мира?
Куда глаза устремить,
Когда алтарь древних
Скрылся в тенях?

⁴⁰ Аггада (ивр. אגדה — «повествование») — в названии стихотворения А. ду Насименту отсылает к еврейским толковательным текстам, переосмысленным через призму афробразильской культуры. Поэт создаёт синтез африканской устной традиции, раввинистической эзегезы и бразильского расового дискурса.

⁴¹ Nascimento A. O agadá da transformação. Centro cultural Humaita. URL: <https://informativocentroculturalhumaita.wordpress.com/2011/05/25/dia-da-africa-abdias-do-nascimento-entra-no-orum/> (accessed: 15.10.2024).

⁴² Almeida E. Árvore de palavras. São Paulo. Editora Perspectiva. 2011. P. 78–81.

Таким образом, бразильская поэзия модерна отражала постепенное расширение понятия «бразилец» за счёт интереса к афробразильским верованиям и постепенного включения потомков африканских рабов в общественно-социальную жизнь страны ко второй половине XX в., когда окончательно был взят курс на полиэтничность нации как одну из основ государственности.

* * *

Религиозный ландшафт Бразилии претерпел значительные изменения со времен открытия этих земель португальцами (XVI в.) до настоящего времени. Неизменным оставалось лишь постоянное присутствие Бога в жизни бразильцев, формируя одну из граней социокультурной идентичности этого народа. Поэзия же не просто отражает идентичность — она активно участвует в её создании, предлагая как новые формы религиозности через воспевание маргинальных (традиционных доколумбовых или афробразильских) религиозных традиций и их искусственную мифологизацию, так и всё новые способы осмыслиения бразильской христианской духовности — от радикальной критики до глубокого мистического синтеза.

Список литературы / References

- Гаспаров М.Л. (1997) «Снова тучи надо мною...» Методика анализа, Гаспаров М.Л. *Избранные труды. Т. II. О стихах*, Москва, Языки русской культуры, с. 9–20.
 Gasparov M.L. (1997) «Snova tuchi надо mnoyu...» Metodika analiza [«Again the clouds are over me...» Method of analysis], in M.L. Gasparov *Izbrannye trudy. T. II. O stikhakh* [Selected Works. Vol. II. On poems], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 9–20. (In Russian)
- Гонсалес Труэба Х.Х. (2025) Пейзаж и культурная идентичность Испании, *Иbero-американские тетради*, № 2, с. 83–106. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-2-83-106
- González Trueba J.J. (2025) Paisaje e identidad cultural en España [Landscape and Cultural Identity in Spain], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 2, pp. 83–106. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-2-83-106 (In Russian)
- Горшенёв Д.С. (2017) Религия в культуре современной Бразилии: ценностные основания конституционного права, *Известия Иркутского государственного университета, Серия: Политология. Религиоведение*, с. 180–186.
- Gorshenyov D.S. (2017) Religiya v kul'ture sovremennoi Brazilii: tsennostnye osnovaniya konstitutsionnogo prava [Religion in Contemporary Brazilian Culture: Axilological Grounds of Constitutional Legislation], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija: Politologija. Religiovedenie*, pp. 180–186. (In Russian)
- Данилова Г.А. (2019) Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему, *Ars Administrandi (Искусство управления)*, т. 11, № 2, с. 330–344. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-330-344.

Danilova G.A. (2019) Voprosy natsiestroitel'stva v ritorike latinoamerikanskikh intellektualov i elit: ot proshlogo k nastoyashchemu [Issues of Nation-Building in the Latin American Intellectuals and Elites Rhetoric: From the Past to the Present], Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya), vol. 11, no. 2, pp. 330–344. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-330-344 (In Russian)

Дутгин А. Босса нова: эстрада и Страшный Суд: сущность бразильской идентичности, *Zavtra.py*, 27.10.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/bossa_nova_estrada_i_strashnij_sud (accessed: 20.02.2025).

Dugin A. Bossa nova: estrada i Strashnyi Sud: sushchnost' brazil'skoi identichnosti [Bossa Nova: Estrada and the Last Judgment: The Essence of Brazilian Identity], *Zavtra.ru*, 27.10.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/bossa_nova_estrada_i_strashnij_sud (accessed: 20.02.2025).

Лотман Ю.М. (1996) *О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста*, Искусство-СПб, Санкт-Петербург, 846 с.

Lotman Yu.M. (1996) *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [On poets and poetry: Analyzing a poetic text], Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, 846 p.

Рикёр П. (2008) Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике, Москва, Академический Проект, 695 с.

Riker P. (2008) Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtsike [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics], Moscow, Akademicheskii Proekt, 695 p. (In Russian)

Элиаде М. (1999) *Очерки сравнительного религиоведения*, Москва, Ладомир, 488 с.

Eliade M. (1999) *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays in Comparative Religious Studies], Moscow, Lademir, 488 p. (In Russian)

Эриксон Э. (2006) *Идентичность: юность и кризис*, Москва, Флинта, МПСИ, Прогресс, 352 с.

Erikson E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis], Moscow, Flinta, MPSI, Progress, 352 p. (In Russian)

Bosi A. (1994) *História concisa da literatura brasileira* [A concise history of Brazilian literature], São Paulo, Editora Cultrix, 528 p. (In Portuguese)

Haddad J.A. (1966) *O livro de ouro da poesia religiosa brasileira* [The golden book of Brazilian religious poetry], Rio de Janeiro, Tecnoprint gráfica, 398 p. (In Portuguese)

Julião P. (2012) A Igreja Católica e as relações políticas com o Estado na Era Vargas [The Catholic Church and political relations with the state in the Vargas era], *Anais Dos Simpósios Da ABHR*, 11 p. (In Portuguese)

Oliveira Evangelista L. (2019) Religião de matriz africana/ afro-brasileira: Lócus de resistência, acolhimento e educação [Religion of African/Afro-Brazilian origin: Locus of resistance, acceptance and education], Dissertação de mestrado, Porto Alegre, 104 p. (In Portuguese)

Ribeiro D. (2006) *O povo brasileiro: a fundação e o sentido do Brasil* [The Brazilian people: the foundation and meaning of Brazil], Companhia das Letras, São Paulo, 441 p. (In Portuguese)

Sousa R.F. (2013) Religiosidade no Brasil [Religiosity in Brazil], *Estudos Avançados*, vol. 7, no. 79, pp. 285–288. (In Portuguese)